

ЮЛИЯ ЕГОРОВА

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

ОБРАЗ ЧИНОВНИКА-БЮРОКРАТА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Image of the Bureaucrat in Early Writing of M. Gorky

The image of the bureaucrat appeared in early works of M. Gorky when he collaborated with newspapers, such as «Nizhegorodsky Listok» and «Samarskaya newspaper» (1894-1896). As a citizen and as a writer he, undoubtedly, was concerned with the phenomenon of bureaucracy, bureaucratic indifference and arbitrariness. However, being a beginner in the field he did not yet develop a large-scale fight against it in the form of exposing article, pamphlets, and program works. In a number of his early sketches and stories there are images of bureaucrats but not heroes capable to denounce and to fight against bureaucracy as the phenomenon effectively. Only later when Gorky gets interested in the ideas of Marxism and gets carried away by the revolutionary romanticism, a new hero appears in his works, i.e. the Person capable to eliminate bureaucratic indifference as a remnant of the past. This is how Gorky defined this phenomenon for himself.

Keywords: Gorky, bureaucracy, bureaucrat, color painting

В этом году литературная общественность с размахом отметила 150-летний юбилей великого русского и советского писателя А.М. Горького. В торжествах приняли участие как известные российские центры горьковедения: Москва, Нижний Новгород, Казань, Самара, Арзамас, Санкт-Петербург, подхватили эстафету в Крыму, Костроме, Томске и других городах; так и за рубежом: странах СНГ, в Италии, Франции, Чехии, Соединенных Штатах, Китае, Японии и др. В своих статьях, выступлениях и докладах ученые-литературоведы затрагивали темы, касающиеся биографии писателя, начала его творческого пути, этических, эстетических и философских взглядов, поиска новой концепции и нового героя, периода двух революций в России, первой мировой и гражданской войны, смерти В.И. Ленина, отношений с властью и эмиграционные годы, общественной и политической жизни 30-х годов в СССР, становления нового творческого

метода соцреализма и отношения Горького к нему, культурной жизни страны и, наконец, разоблачения зарождавшегося в Европе фашизма – вот далеко не полный перечень вопросов, которых в разные годы своего жизненного и творческого пути касался Горький. Раскрывая в статьях ту или иную тему, многие докладчики опирались на абсолютно новые материалы, недавно обнаруженные в фондах различных архивов и частных коллекций. Всё это свидетельствует о неистощаемом интересе к фигуре Горького и его литературному наследию.

Однако стоит отметить, что далеко не все намеченные писателем в разные годы темы получили развитие в виде отдельных проектов. Примером тому может служить тема женщины. Как отмечала в своей работе О. Быстрова¹, этот вопрос с детства волновал Горького. На протяжении жизни он не раз сталкивался с несправедливым и жестоким обращением к женщинам, именно поэтому всегда вставал на их защиту. «Ему было совершенно безразлично, к какому кругу она принадлежала, какого была вероисповедания, какой национальности. Если оскорбляли её достоинство – писатель, не задумываясь, бросался на помощь»². Женская линия присутствует, за небольшим исключением, практически во всех произведениях Горького, этой теме в разные годы он посвятил не одну статью и написал не одно воззвание. В написанной в 1930-м году статье *Женщина* Горький задался вопросом: «Странно, что до сей поры у нас никто еще не догадался написать книгу об отношении церкви к женщине»³. Уже через год, в 1931-м году, у Горького появился замысел создания целой серии, посвященной женскому вопросу: «На 33-й г. мы с ним [речь идет об А.К. Виноградове. – Е.Ю.] – т.е. Вы и я – затеем *Историю женщины*. Покамест помалкивайте об этом», – пишет он М. Кольцову⁴ в декабре 1931 г. Писатель сдержал слово и в 1933 году вернулся к проекту *Истории женщины*, однако реализовать его Горькому так и не удалось.

Тема бюрократа и бюрократии, как явления, также не получила широкого развития в творчестве Горького. В том или ином виде образ чиновника появлялся еще в ранних рассказах и очерках, однако программных или разоблачающих это социальное явление статей не было. Это кажется странным, поскольку Горького принято считать остро-социальным писателем. Разрешить данный вопрос помогли не так давно обнаруженные дневники И.С. Шкапы – соратника Горького, работавшего с писателем с 1928 по 1935 гг. в журнале «Наши достижения». Благодаря

¹ О. Быстрова «История женщины» - неосуществленный замысел Горького, в: *Публицистика М. Горького в контексте истории*. Серия «М. Горький. Материалы и исследования», Москва 2007, с. 483-539.

² *Ibidem*, с. 485.

³ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 т.*, Москва 1949-1953, т. 24, с. 154.

⁴ *Архив А.М. Горького*. Том 10. *М. Горький и советская печать*. В 2 кн. Кн. 1, ред. А. Дементьев, Москва 1964, с. 231.

своим профессиональным и человеческим качествам, талантливый молодой очеркист был вхож в дом Горького, общался с его ближайшим окружением, имел возможность проводить долгие часы в беседах с писателем. Обладая феноменальной памятью, по завершении встреч Шкапа подробно в деталях записывал целые диалоги, отдельные высказывания и монологи Горького. Из этих записей стало известно истинное мнение писателя касательно различных аспектов его творчества и общественной жизни, замыслов отдельных произведений, сюжетных линий и отношения к тем или иным социальным явлениям. Дневники Шкапы были подарены автору статьи владельцем частной коллекции с целью более глубокого и всестороннего изучения личности Горького.

В одном из дневников попался любопытный эпизод, вернее – беседа Шкапы с писателем, во время которой Горький рассказывал, как некий гражданин Протасов, невзирая на бюрократические препоны, на протяжении нескольких лет боролся с коммунистическим хозяйственным отделом за возможность озеленить городок после пожара. Неоднократные обещания «поставить» вопрос о насаждениях не выполнялись, а последующие визиты просителя стали восприниматься в отделе довольно враждебно:

– В чем дело, гражданин? – продолжает свой рассказ Горький. – Чего Вы хотите?.. Ах да, озеленения!.. Так знаете ли, об этом из без Вас думают... И займутся этим, когда будет возможно... А теперь не до зелени... Есть нерешенные задачи поважнее Ваших деревьев... [...] И в общем – не разводите бюрократизма и не теряйте попусту времени... И оставьте нас в покое... [...] И покажут на дверь.

– Ну что будет делать мой герой?

– Конечно, не смиритесь... Он напишет о бюрократии в Х<озяйственном> О<тделе> в Райисполком, в рай<онную> газету, потом в крайгазету... Наживет себе недоброжелателей. Убьет уйму времени и сил, а все же своего добьется. [...]

И мы должны этих людей, у которых пробиваются черты будущего общества – описывать ярко, красочно... Показывать их в конфликтной борьбе с окружением... Попутно раскрывать все мерзости пережитков прошлого, где человек человеку – волк, где все на одного и один против всех, где пожирают друг друга, как в первобытном лесу...⁵

Далее, рассуждая на эту тему, Горький предлагал описывать борьбу отдельно взятых граждан с явлениями бюрократии в очерках, размещая их в журнале «Наши достижения» и ему подобных. Как видно из этого эпизода, для писателя наиболее важно показать человека, героя нового образца, борющегося с пережитками прошлого. Именно его

⁵ Дневник И.С. Шкапы № 1.

предлагается изображать ярко и динамично. В отличие от романтических, полуфантастических героев своих ранних произведений, таких как Данко, Лара, Сокол, старуха Изергиль и др., Горький стал отдавать предпочтение Человеку-борцу, искателю истины, желающему лучшей доли всему человечеству. Представителей противоположного лагеря, носителей пережитков прошлого, к которому также причислялись чиновники и бюрократы, писатель зачастую изображал в застывших, пассивных формах, мрачных болезненных тонах. Для достижения эффекта контраста автор использовал прием цветописы: герои-борцы, их жизнь – красивая, богатая внешними и внутренними красками, противоположный лагерь врагов, чиновников, бюрократов и навязываемого ими образа жизни – бесцветный, лишенный индивидуальности, чудовищный по своей сути.

В качестве наглядной иллюстрации были взяты ранние рассказы *Женщина с голубыми глазами* и очерк *Часы отдыха учителя Коржика*, опубликованные М. Горьким в «Самарской газете» в 1895-1896 гг. В рассказе *Женщина с голубыми глазами* (1895) представлен типичный образ чиновника «средней руки», помощника частного пристава Зосима Кирилловича Подшибло: «[...] грузный и меланхоличный хохол, сидел в своей канцелярии, крутил усы и сердито таращил глаза в открытое окно»⁶. Раздраженный видом мирно спящего на стоге сена в полуденный зной подчиненного он злился и клял свою работу: «Подчиненный спит, а вот он, его несчастный начальник, должен торчать в этой дыре и дышать сырыми испарениями ее каменных стен»⁷. Уже в самом начале повествования Горький прибегнул к цветописы, используя контраст: недавно сменившийся с дежурства унтер-офицер Кухарин, не обремененный положением и чином, дремал в летний полдень в душистом стоге сена под сенью берез, в то время как Зосим Кириллович, не смея покинуть рабочее место, вынужден был сидеть в холодных серых и мрачных стенах полицейского участка. Писатель намеренно противопоставил живую картинку летнего двора, залитого солнцем, и холодный сумрак канцелярии, тем самым изображая рутинность, будничность и монотонность работы Подшибло. Различное положение персонажей на служебной лестнице позволяло помощнику частного пристава «сойти вниз, чтоб дать хорошего пинка ногой в выпяченный живот подчиненного, а потом взять его за бороду и вытащить из тени на солнцепек»⁸. В описании внешнего вида, привычек, манере обращения с нижестоящими чинами и посетителями прослеживается пренебрежительное, а порой и неуважительное отношение к человеку: «Подшибло [...] злым взглядом смерил дежурного», «[...] ему

⁶ М. Горький, *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, т. 2, Москва 1969, с. 325.

⁷ *Ibidem*, с. 325.

⁸ *Ibidem*, с. 326.

во что бы то ни стало хотелось сорвать всё сильнее вскипавшую злобу на эту духоту, службу, на спящего Кухарина»⁹. Появление в участке посетительницы несколько смягчило, но не изменило привычного стиля работы чиновника: «– Ну зови... Ворочайся! – уже мягче приказал Подшибло, оправился и зашелестел бумагами на столе, изобразив на угрюмой физиономии строго начальственную мину»¹⁰. Однако именно с её появлением в дальнейшем изображении чиновника начинают происходить метаморфозы. Помощника пристава поразил удивительно глубокий взгляд голубых глаз женщины. В этой связи на себя обращает внимание тот факт, что, описывая глаза чиновника, Горький сознательно не указывает их цвет. Он лишь перечисляет ряд действий, производимых ими: тарашил глаза, злым взглядом смерил дежурного, спросил, критическим оком измерив посетительницу. Складывается впечатление, что писатель, следуя высказыванию «глаза – зеркало души», намеренно лишает чиновника права обладания душой. Его не интересует их цвет, форма и содержание. Иначе обстоит дело с посетительницей. Её голубые глаза, серьезность и глубина взгляда пробуждают в Подшибло нечто человеческое. Как известно, голубой цвет символизирует чистоту. Именно об этом качестве говорят поступки, внешний вид и помыслы женщины. Несмотря на то, что она пришла просить о выдаче регистрационной книжки проститутки, жизненная ситуация, толкнувшая её на этот шаг, оправдывает просительницу в глазах читателя и вызывает сочувствие к ней. Смерть мужа, отсутствие денег на содержание двоих детей, вынуждают несчастную пойти на крайнюю меру. Её взгляд, слова, внутренняя цельность и сила вызывают у Зосима Кирилловича интерес к ней не столько чиновничий, сколько человеческий:

«Опытный полицейский, он видел, что действительно – правда: она была слишком свежа и порядочна для женщин известной профессии», «Подшибло слушал её и понимал всё до слова, ибо у неё говорило всё лицо. [...] Зосиму Кирилловичу сделалось скверно и чего-то боязно», «Он чувствовал себя испуганным чем-то. Пред ним в воздухе стояли голубые, спокойные глаза женщины и решительно смотрели ему прямо в лицо. Он чувствовал тяжесть на сердце от их упорного взгляда и некоторую неловкость...»¹¹.

После того как Горький ввел в повествование эту героиню, он показал, как стал меняться и полицейский-чиновник. Далее писатель всё

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ *Ibidem*, с. 327.

¹¹ *Ibidem*, с. 329, 330.

более «очеловечивает» Подшибло, убирает в его описании черты чиновника-бюрократа, раскрывая человеческие качества персонажа:

«Зосим Кириллович почувствовал, что у него щемит в груди от всего этого, от её движения, от её соседства и голубых, спокойных, неподвижных глаз», «Он разозлился на себя за что-то, встал и протянул ей руку, молча и сердито», «Он кивнул ей головой и быстро пошёл прочь, зло ругая себя дураком и мальчишкой»¹².

В конце рассказа перед нами предстает уже не полицейский чин, а человек со своими переживаниями, мыслями и чувствами:

Чёрт! Пропусти даму и детей... Экой ты несуразный, братец мой! – добавил он уже мягче, когда дама, его знакомая с голубыми глазами, проходя мимо, улыбнулась и поклонилась ему, проходя на пароход...

Зосим Кириллович окинул глазами публику на палубе и, найдя свою знакомую, почтительно снял фуражку и поклонился ей.

Она ответила ему низким русским поклоном и стала истово креститься¹³.

В очерке *Часы отдыха учителя Коржика* (1896) Горький представил другой образ чиновника, в чем-то противоположный тому, что мы рассматривали выше. В отличие от плотного Подшибло, не любящего свою работу, но неукоснительно выполнявшего долг, писатель изобразил спивающегося, совершенно одинокого учителя Антона Петровича Коржика: «[...] лицо его, незадолго перед тем сухое и угрюмое, лицо сорокалетнего чиновника-холостяка, желтое, в усах и маленькой эспаньолке, с тонкими, плотно сжатыми губами, концы которых характерно опущены книзу»¹⁴. Он также не любит и с презрением относится к своей работе, с видимым отвращением ежедневно проверяя тетради учеников. По окончании необходимой процедуры, потягиваясь и с улыбкой удовольствия, Коржик совершает свой регулярный моцион: открывает шкаф, достает из него четвертную бутылку водки, тарелку с ломтиками черного хлеба и садится в большое кресло боком к окну, так, чтобы можно было видеть лунную зимнюю ночь. Перед собой Коржик выставляет три портрета: фотографию покойной матери, карточку улыбающейся девушки Жени и гравюру римского философа Сенеки – единственных своих собеседников. Методично выпивая несколько рюмок, учитель с каждым из них заводит разговор.

В этом очерке Горький также прибегает к приему цветописи. Желтый цвет лица Коржика говорит о его болезненности, при том

¹² *Ibidem*, с. 332.

¹³ *Ibidem*, с. 337.

¹⁴ *Ibidem*, с. 411.

не только физической, но и душевно-нравственной. Также автор обращает внимание на глаза героя, которые «обыкновенно нелюдимо сощуренные и тусклые» после очередной выпитой рюмки водки «расширяются и приобретают тот внутренний блеск, который облагораживает физиономию, придавая им выражение жизни и мысли»¹⁵. В отличие от героя рассказа *Женщина с голубыми глазами*, которого симпатия к женщине преобразила и очеловечила, персонажа этого очерка способна оживить лишь известная доза алкоголя и пьяные разговоры с портретами людей, оставившими след в его жизни. Заметим: оживить, но не изменить. Утро возвращает впавшего в пьяное ночное забытие Коржика в рабочую рутину и чиновничье безразличие.

В своих ранних очерках и рассказах Горький представил лишь отдельные образы чиновников-бюрократов, но в них отсутствует герой, способный обличить и действительно бороться с бюрократией как явлением. Несколькими годами позже, когда писатель всерьез заинтересуется идеями ницшеанства и марксизма, когда его увлечет революционная романтика, в его произведениях появится новый герой – Человек, способный бороться с чиновничеством как пережитком прошлого. Именно так писатель определил для себя это явление.

ЛИТЕРАТУРА:

Архив А.М. Горького, Том 10. *М. Горький и советская печать*. В 2 кн. Кн. 1, ред. А. Дементьев, Москва 1964.

Быстрова О., *«История женщины» - неосуществленный замысел Горького*, в: *Публицистика М. Горького в контексте истории*. Серия «М. Горький. Материалы и исследования», Москва 2007.

Горький М., *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 тт.*, Москва 1969.

Горький М., *Собрание сочинений: В 30 т.*, Москва 1949-1953.

Дневник И.С. Шкапы № 1.

¹⁵ *Ibidem*.